

КРАЙ ТАНАТОСА

РЕВЕРС 2

АЛЕКСЕЙ
ЕЛИСЕЕВ

АРОН
РОДОВИЧ

Край Галактики

Алексей Елисеев

Край Галактики. Реверс II

«Автор»

«Автор»

2026

Елисеев А.

Край Галактики. Реверс II / А. Елисеев — «Автор», «Автор»,
2026 — (Край Галактики)

Здесь вам не там! Я бывший пилот и, кажется, я всё-таки погиб, но был возвращён к жизни не по своей воле. События биографии как в тумане, но моё прошлое здесь никого не интересует, а будущее уже расписано на десятилетия вперёд. Я воскрес из мёртвых и это предстоит отработать. Контракт, в котором душа всего лишь ресурс. Но делать нечего, придётся работать с тем, что есть. Мой первый шаг - Имперская Академия.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Елисеев, Арон Родович

Край Галактики. Реверс II

Глава 1

Я разрезал чёрную, гулкую пустоту глайдером и ловил её вкус, холодный металл на языке, когда в минуту крайнего напряжения прикусываешь губу до крови, испытывая странную, болезненную радость. Это было чувство полного освобождения. Астероиды, эти немые свидетели вечности, шли навстречу редкими, уродливыми глыбами, и я уклонялся от них лениво, с огромным запасом, словно сам космос, сжалившись над человеческой букашкой, дал мне время привыкнуть и поверить в сладкую ложь – я здесь хозяин, я властелин этой бездны.

Камни вращались медленно, величаво, как мельничные жернова, перемалывающие время и пространство. На их шершавых, изрытых боках тянулись глубокие прожилки, сколы, безобразные обожжённые пятна, оставленные миллионами лет скитаний, и я, благодаря обострённому восприятию, успевал видеть каждую мелочь, каждую трещину. Это было похоже на то, как пролистываешь чужую, полную страданий жизнь в мельчайших деталях, не испытывая при этом жалости, а лишь отстранённое любопытство.

Между глыбами оставались широкие зияющие окна, и в этих провалах звёзды стояли совершенно неподвижно. Они светили только для меня.

Мне до дрожи нравилось, что я здесь был абсолютно один. Нравилось, что вокруг не было давящих стен барака, не было спёртого воздуха, не было липких оценивающих взглядов, которые постоянно проверяли, как ты держишь лицо, не сломался ли, можно ли тебя купить или продать. Здесь не перед кем было играть роль. Можно было просто держать управление спокойно, и спокойствие это не было напускной маской, какую искусственники вынуждены были носить в Академии Имперской Колониальной Администрации. Оно шло изнутри, из того удивительного факта, что глайдер слушался меня так, как собственная рука, когда ты, повинувшись мгновенному желанию, протягиваешь её и берёшь предмет со стола.

Я почти не шевелил пальцами. В этом не было нужды. Нейроинтерфейс, интегрированный в мозг при рождении этого тела, подхватывал намерение ещё там, в тёмных глубинах подсознания, где оно только рождалось, где оно было ещё не мыслью, а лишь смутным образом, и мгновенно переводил его в движение машины.

Как такое было возможно? Всё было и сложно, и просто одновременно. Всем искусственникам внедряли при рождении особое устройство – «нейрошунт». Что-то вроде вживлённого кибернетического импланта, предназначенного для адаптации нервной системы живого разумного к работе с нейротехнологиями.

Нейрошунт служил промежуточным адаптером между мозгом и внешними устройствами, оборудованными нейролинками. Вот и получалось, что при сопряжении нейролинка и вживлённого мне нейрошунта я мог управлять техникой буквально силой мысли.

Только успевал подумать о правом уходе – и корпус мягко, послушно уходил вправо. Я смещал внимание вниз, в чёрную яму под брюхом корабля, – и глайдер проваливался под каменную тушу, проходя по идеальной дуге, которая выглядела слишком чисто, слишком профессионально для новичка, каким меня считали. Новичком я был только в использовании этой нейронной мумба-юмбы, а пилотский стаж у меня был будь здоров!

Я усмехнулся, и эта усмешка, злая и счастливая, была настоящей. В новой жизни за такую усмешку, полную превосходства, немедленно прилетали чужая зависть, жадность, звериное

желание укусить, унижить, поставить на место. Здесь кусаться было некому. Камни были равнодушны, а пустота – безмолвна, и я позволил себе радоваться открыто, не пряча оскала.

Скорость держалась умеренная, почти прогулочная. Я ещё раз проверил линию движения, дал глайдеру чуть больше свободы, отпустив вожжи, и сразу почувствовал всем существом, как пространство менялось. Космос оставался всё тем же – ледяным и бесконечным, но риск стал ближе и дышал в затылок. Камни уже не просто висели декорациями, а начали требовать решения, мгновенного выбора, и этот выбор становился частью моего дыхания, частью сердечного ритма. Я прибавил скорость ещё.

Сначала совсем немного, осторожно, чтобы увидеть реакцию машины. Глайдер потянулся вперёд охотно, с хищной готовностью, будто сам давно, с тоской в механическом нутре, ждал этой команды. Дистанции между объектами начали сокращаться, и редкое поле превратилось в сложный, живой рисунок, где каждый штрих двигался, менялся, угрожал. Я перестал любоваться фактурой камня, его древней красотой, и начал работать траекторией. Теперь существовала только геометрия пути. Я прибавил ещё.

Камни пошли чаще, гуще. Между крупными, солидными глыбами появился мелкий, подлый мусор – осколки, каменная крошка, бесформенные обломки, которые не держали форму, зато прекрасно могли прошить мой кораблик от носа до кормы на такой скорости. С ними не договоришься, их не обманешь. Их нельзя было уважить почтительным расстоянием. Их приходилось считывать интуитивно, ловить их рваный ритм, пропускать мимо бронированного стекла на минимальном, волосяном зазоре, чувствуя холодок где-то под ложечкой.

И вот здесь, на грани фола, пришёл первый настоящий, пьянящий кайф от стремительного полёта.

Глайдер перестал быть машиной, а стал продолжением моих оголённых нервов. Я чувствовал корпус спиной, позвоночником, так, как чувствуют собственные рёбра после долгой, изматывающей драки – больно и отчётливо. Я чувствовал его крыло боковым зрением, как чувствуют собственную ладонь, хотя ладонь не поднята. Я чувствовал, как нейроинтерфейс накладывал поверх моего внимания тонкую светящуюся сетку подсказок, и эти подсказки не мешали, не раздражали – они делали меня точнее, совершеннее, чем был создан неизвестными генными архитекторами.

Я вошёл в узкий, как игольное ушко, просвет между двумя астероидами и вышел из него чисто, не задев и пылинки. Потом – ещё раз. Потом – ещё. С каждым удачным прохождением радость внутри становилась гуще, плотнее, и вместе с радостью со дна души поднималась злость – живая, горячая, приятная, как тепло в груди после глотка спирта. Злость на то, что в АИКА меня учили ходить строем, смотреть в затылок, быть частью серой массы, а здесь, в вышине, я мог идти курсом, который выбирал себе сам.

Скорость росла дальше. Я уже не считал, ощущая только темп, который становился всё плотнее, сжимая время, и плотность поля, которая начинала давить на сознание физической тяжестью. Камни начали идти сплошным коридором, выстраиваясь в стены.

Окна между ними сузились до щелей. Прямой, безопасный путь исчез, растворившись в хаосе лабиринта из каменного крошева. Теперь траектория строилась как непрерывная цепочка решений, где каждое звено было вопросом жизни и смерти, и каждое решение требовало следующего, ещё более быстрого. Я уходил вправо, резко, до перегрузки, потому что слева шёл, вращаясь, острый обломок, и сразу, без паузы, уходил вниз, потому что справа открылся спасительный просвет, и тут же поднимался, взмывал вверх, потому что впереди вырастала глухая каменная стена. Я двигался как по шаткой, горячей лестнице, где ступени появлялись под ногами лишь на долю секунды, и если ты задерживался, если сомневался хоть на миг – ступени не становилось, и ты летел в пропасть.

Нейроинтерфейс усиливал обратную связь, заливая мозг ощущениями.

Он подмешал в тело лёгкую свинцовую тяжесть, когда перегрузка поднималась к красной черте. Он дал фантомный холод в затылке, когда я проходил слишком близко от смерти. Он отправил в предплечья тонкую, зудящую вибрацию, когда корпус резал поток каменной крошки, будто я сам раздвигал камни руками. Это всё было сделано так искусно, так аккуратно, что я начал считать эти навязанные ощущения своими собственными, родными.

Мне стало ещё лучше. Восторг захлестнул меня.

Потому что именно так работала власть скорости – как самый сильный наркотик. Она обещала абсолютный контроль и давала попробовать его на вкус – острый, металлический вкус могущества. Она заставляла поверить, что ты держишь мир за «фаберже», хотя на самом деле это мир держал тебя, готовый раздавить в любую секунду.

Я прибавил ещё. Наперекор здравому смыслу.

Звёзды, прежде неподвижные, потянулись тонкими смазанными линиями на краю зрения, превращаясь в светящиеся струны. Камни перестали быть отдельными предметами, они слились в единые массы, в потоки тени и света. Я уже не ловил их глазами по отдельности – человеческий глаз на такое не способен – а чувствовал их сенсорами машины и всем своим существом. Ловил ритм поля, как ловили ритм разъярённой толпы, когда нужно было пройти сквозь неё, не получив удара и не зацепив никого плечом.

Я ощутил, что улыбался шире и кожа на лице натянулась.

Это было безумно опасно, и именно поэтому было так невыносимо приятно. Радость здесь шла рука об руку с гибелью, рядом с последней границей, а близость этой границы делала радость настоящей, острой, неподдельной. Я слишком хорошо помнил жизнь в АИКА – тухлую и размеренную, где радость выдавали жалкими порциями, как пайку пищевых таблеток и воды. Здесь я был босым и нагим перед вечностью и наконец перестал экономить и сдерживать себя.

Глайдер нырнул под крупный астероид, похожий на череп великана, прошёл по дуге, едва не касаясь поверхности, вышел на просвет и сразу рывком ушёл влево, потому что в просвете уже стоял следующий камень, поджидая жертву. Я сделал это быстро, чисто, филигранно, и внутри щёлкнуло то самое чувство, которое я узнавал с восторгом. Чувство, когда мозг успевал сработать раньше неповоротливого тела. Когда решение рождалось и уже выполнялось в тот же миг. Когда ты управлял не руками, не мышцами и даже не осознанной мыслью, а тем глубоким, тёмным слоем инстинкта, который обычно молчал в цивилизованном человеке.

Я прибавил ещё. Почему? Мне необходимо было знать предел. Свой и машины, которой управлял. Астероидное поле стало ещё более плотным, как стена дождя.

Теперь булыжники шли так, что между ними оставались лишь жалкие щели и узкие лазы. Щели узкие и быстро схлопывающиеся. Небольшая машина входила в них, как нож в масло, а меня в эти моменты поднимало и несло на гребне предельной концентрации. Я перестал думать о том, что будет дальше, через секунду. «Дальше» больше просто не существовало. Это «дальше» стало моим следующим манёвром. Оно превратилось в следующий просвет между острых каменных граней. Дальше было тем, что я успевал – или не успевал. И пока успевал.

Раз за разом обманывая смерть, я чувствовал, как внутри поднимался дикий восторг, который хотелось выдохнуть вслух, прокричать в пустоту. Но я не выдыхал, сдерживая дыхание, потому что ровное дыхание влияло на линию полёта. Держал челюсть мягкой, расслабленной, потому что сжатая от страха она делала движения резкими и истеричными. Плечи оставались свободными, потому что свобода плеч давала мозгу необходимое пространство для манёвра.

Скорость росла дальше, накручиваясь спиралью, и вместе со скоростью в душе росло странное, тревожное и в то же время величественное чувство – подозрение.

Я знал, прекрасно знал по опыту, что у любой, даже самой жёсткой тренировки был потолок. У любой системы, написанной людьми, имелся ограничитель, «защита от дурака». У любого обучения была точка невозврата, где тебя принудительно выкидывали в реальность, обрывали сеанс, потому что дальше начинался риск выгорания синапсов. Я ждал этот ограни-

читель. Ждал его так же спокойно и уверенно. Он должен был появиться. Красная вспышка, надпись, сирена. Принудительное отключение должно было срезать этот безумный темп. Когда поднимусь выше дозволенного лимита безопасности, сценарий остановили бы.

Но остановки не последовало. Тишина...

Я прибавил ещё, уже с вызовом, с яростью, и поле астероидов ответило мне не остановкой, не спасительным «стоп», а лишь новым усложнением. Камней стало больше. Они пошли плотным каменным дождём, сплошным потоком, и этот дождь не оставлял места даже для микроскопической ошибки. Я увидел, как коридор впереди превращался в сжатую, смертоносную трубу, где любая, самая малая задержка мысли неминуемо превращалась бы в столкновение и распад.

И всё равно это меня не остановило. Система молчала. В молчании этом мне открылась страшная правда. Кто-то тестировал меня на всю катушку. И этому «кому-то» не нужен был обычный пилот. Им не нужен был человек, знающий меру и работающий по правилам. Им нужен был тот, кто способен заглянуть в бездну, расстегнуть ширинку, помочиться туда и не моргнуть. Тот, кто пройдёт там, где пройти невозможно. Ограничитель был отключён, потому что пределом был только я сам. И это было самое страшное и самое восхитительное открытие за сегодня.

То, что начиналось как радость и злой восторг, вдруг перебродило во мне и превратилось в жадность – неутолимую, лихорадочную жажду скорости. Я захотел ещё, я захотел большего, до дрожи в руках, до боли в висках. Скорость уничтожала всё лишнее и наносное. Испарялись опостылевшие серые стены, бесконечные, унижительные разговоры о еде, весь этот гнусный рынок тел и душ, людей с бегающими взглядами, держащих заветные пищевые таблетки в потных кулаках и карманах, тех, кто торговался за чужой голод.

Здесь, среди звёздной пыли, не было торга. Здесь были только я и вектор полёта – чистый, как математическая формула.

– Ещё! – выкрикнул я, и голос мой прозвучал не как просьба, а как требование обречённого. – Давай ещё!

Астероидное поле ответило мне мгновенно, словно живой организм, принявший вызов. Камней стало в момент ещё больше, гораздо больше! Они полезли навстречу из густой, чернильной тени, как тараканы из щелей. Да и сама тьма стала плотнее и осязаемее. Впереди, в хаосе движения, мелькнул крупный астероид – настоящий гигант, древний, шероховатый, с длинной, уродливой рваной трещиной, которая рассекала его тело подобно застывшей бархатно-чёрной молнии. Внутри трещины угадывалась такая бездонная глубина и первобытная тайна, что взгляд мой невольно зацепился за неё. Завораживающая, пугающая, смертельная красота. А красота, как известно, всегда опасна, ибо она требует внимания, а внимание здесь – валюта жизни. Я посмотрел на трещину всего лишь лишнюю долю секунды – и этого хватило.

Справа, из самой гущи непроглядной тьмы, вынырнул маленький, неприметный камень. Размером всего лишь с кулак. Но на такой скорости и кулак превратился бы в боеголовку с бетонобойным сердечником. Я увидел его боковым зрением и с леденящей ясностью осознал: траектория больше не собиралась. Уравнение не имело решения. Я дал команду через нейрошунт не мыслью даже, а криком инстинкта, чистым животным желанием уйти, выжить любой ценой. Глайдер дёрнулся, отработал маневровыми. Кабина задрожала словно в предсмертной лихорадке. Свет далёких точек за стеклом разорвался на длинные, смазанные полосы. Мир впереди стал серым, безликим, а потом взорвался ослепительно белым.

И в этом белом мареве, на одно короткое, как удар сердца, мгновение, я увидел отражение.

Бронированное стекло кабины поймало отблеск, и в этом призрачном свете проступило лицо – совсем рядом, пугающе близко, словно человек сидел у меня на плече. Лицо было спо-

койным, неподвижным, будто его вовсе не касалась безумная гонка, будто для него не существовало перегрузок. И в этом спокойствии сквозил абсолютный, нечеловеческий контроль.

Узнать эту гнусную рожу не составило особого труда. Чонкигешит Коль. Наш куратор.

Он смотрел на меня. Смотрел так, словно скучающий мастер проверял сложный инструмент на излом, с любопытством ожидая, когда же тот треснет, и получал извращённое, холодное удовольствие от того, что инструмент пока ещё держался, скрипел, но не ломался. Уголок его рта был чуть приподнят в довольной, хозяйской ухмылке. Взгляд ровный и тяжёлый.

Злость, горячая и удушливая, ударила мне в голову так, что руки сами собой захотели дёрнуться, вцепиться в этот призрак. Но дёргаться здесь на такой скорости – значило подписать себе смертный приговор и подарить ему победу. Я невероятным усилием воли удержал себя в узде, сковал мышцы и выдавил сквозь стиснутые зубы, потому что молчать уже не было сил, и слова жгли горло:

– Ты... тут.

Отражение дрогнуло, расплылось и исчезло, поглощённое хаосом, потому что белое сияние сменилось абсолютной чернотой.

Глава 2

Удар вышел глухим и страшным, словно великан вбил мне пудовый кулак прямо в грудную клетку и вышиб из лёгких весь воздух. Боль накатила следом, плотная и горячая, заливающая сознание до краёв. Её отмерили ровно столько, чтобы мозг запомнил урок и впечатал его в подкорку. Это уже не была та показательная «неприятность», которую выписывают зелёным новичкам для острастки. Эта боль пришла взрослой, настоящей, зрелой, прямым из профильного уровня, из школы, где учат уважать ошибки и платить за них потом, раскрошенными зубами и кровью.

Мир разлетелся на тысячи осколков, и я провалился в вязкую, гулкую темноту. В этом небытии я ещё секунду, по инерции, слышал, как по обшивке барабанит мелкая космическая пыль, как глайдер с надрывом режет вакуум, как стонет и плачет металл, истерзанный перегрузками.

Но темнота продержалась недолго. Она изменилась, обрела плоть и вес, стала душной и настоящей, отдающей запахом моего пота и привкусом крови во рту. Я различил знакомый монотонный гул системы жизнеобеспечения и спиной почувствовал ложемент капсулы полного погружения сквозь тонкую ткань серой пижамы. Я лежал мокрый от липкого, холодного пота, и сердце колотилось так бешено, словно я всё ещё летел через астероидный пояс, уворачиваясь от смерти и расходясь с костлявой борт к борту. Фантомная боль в ушибленной груди пульсировала, жила своей жизнью и не собиралась уходить, напоминая о феерическом провале.

Я с трудом разлепил веки и упёрся мутным взглядом в белый, безупречно гладкий потолок. Космос, звёзды, свобода остались там, за стенками капсулы. Здесь была только стерильная белизна и голая, беспощадная правда моего положения.

Коль стоял рядом. Он больше не прятался в случайных отражениях и не был призраком, он стал реальным и тяжёлым присутствием, скрестив руки на груди, словно мой крах случился по расписанию.

Крышка капсулы пошла вверх, а я не торопился выбираться из ложемента. Я продолжал смотреть в потолок, изучая его белизну, потому что смотреть сейчас на ухмылку надсмотрщика было тяжелее, чем снова лететь на предельной скорости сквозь каменный дождь.

– Значит, я уже прошёл базовую подготовку... – сказал я в пустоту.

Голос вышел низким, хриплым и злым. Я узнал его не сразу.

– Вы начали профильный курс без предупреждения?

Коль промолчал. Его молчание, как всегда, говорило громче и яснее любых слов. Это было молчание власти, которое заранее отнимает у раба право спорить и задавать вопросы. И я всё равно продолжил, потому что в груди ещё бушевала инерция скорости, а скорость не терпит короткого повода.

Я шумно вдохнул спёртый воздух и заставил дыхание выровняться, подчиниться воле. Ровное дыхание возвращает хотя бы иллюзию управления. А управление собой здесь, в этом аду, стоит дороже эмоций и истерик.

– Ты доволен? – сказал я и сам услышал в голосе металлические нотки. – Ты хотел посмотреть, сколько я выдержу и где сломаюсь. Ты ставил эксперимент.

Коль продолжал молчать. Молчание держалось ровным и безучастным, как прямая линия на медицинском мониторе. Ему не требовалось оправдываться передо мной.

Я прикрыл глаза на секунду, давая себе короткую передышку, и поле астероидов тут же вспыхнуло внутри черепа яркой, болезненной вспышкой. Я снова увидел чёрную трещину, манящую бездной, подлый мелкий камень и ослепительно белое сияние финального взрыва. Виртуальная смерть, насколько я мог судить, не отличалась от настоящей. Я понял с пугающей

ясностью, как граница обучения сдвинулась и перешагнула черту возможного, и я понял, что дальше они будут смещать её снова и снова, нащупывая мой предел. Они поднимут ставки, усложнят задания до абсурда и загонят меня на лезвие бритвы, пока я не научусь жить там, как у себя дома. Или пока не сломаюсь и страх не станет второй натурой.

Я облизал пересохшие губы и сказал уже не Колю, а себе, с мрачным, упрямым удовольствием:

– Ещё раз...

Если меня загнали в угол, остаётся одно: держать спину к стене и драться до конца. Я силой выдохнул воздух и добавил, чувствуя, как тело ещё мелко дрожит от напряжения недавнего полёта и пережитого стресса, а разум уже встаёт в стойку:

– Я готов!

Сколько времени прошло было неизвестно. Когда я выбрался из анатомического углубления ложементов с тяжёлым, мрачным упорством, с каким выбираются из могилы, если бы покойникам вдруг выдали эту скверную возможность. Пятый заход подряд. Тело, измученное фантомными перегрузками, знало порядок движений наизусть и действовало почти помимо воли, пока рассудок спорил с реальностью до тошноты и всё пытался понять, где кончается цифровой морок и начинается осязаемая жизнь.

Ладони, влажные от липкого пота, скользнули по гладкому борту капсулы. Пальцы, дрожащие мелкой, противной дрожью, нащупали ребро жёсткости, и я поднялся. В вертикальном положении меня удерживало не столько мышечное усилие, сколько привычка стоять прямо даже тогда, когда всё существо требует рухнуть лицом в пол. Внутри всё гудело, и это мерзкое, навязчивое ощущение жило не в ушах. Оно сидело глубже, в натянутых сухожилиях, в воспалённых нервах, в костном мозге.

Пятый заход я проглотил молча. Слова остались где-то в горле, и я позволил им там застрять, потому что здесь любой звук быстро превращается в повод, а повод в счёт, который потом выставляют по полной. Внутри это стало короткой отметкой, почти технической, как галочка в журнале, где фиксируют факт и время, а не эмоции. Я видел, как люди на этой станции пытаются торговаться жалобами, и итог у них одинаковый. Они тратят силы на объяснения, на самооправдание, на попытку выпросить снисхождение, а система берёт своё и оставляет их пустыми, как выжатую тряпку.

Виртуальная реальность в капсуле работает на другом уровне. Тело может выйти без рваных ран и без крови на ладонях, а психика всё равно получает удар так, будто кожу сдирали наждаком изнутри. Нейроинтерфейсы вгрызаются в восприятие напрямую и тащат нагрузку туда, где человек обычно прячет самое уязвимое, и мозг верит каждому касанию боли как факту. Он запоминает детали, он раскладывает их по полкам, он делает выводы, и каждый вывод пахнет страхом. Сердце разгоняет пульс до барабанной дробы, будто оно пытается выскочить из груди и сбежать раньше хозяина. Дыхание рвётся на короткие хрипы и потом снова собирается, как будто кто-то сжимает горло изнутри и отпускает рывками. Мышцы забиваются молочной кислотой, и это ощущение приходит честно, по-настоящему, с тяжестью в руках и ногах, с дрожью в суставных связках, с тупым звоном в костях. Фантомные смерти ложатся на нервную систему целиком, и каждая из них оставляет след, как ожог, который видно только изнутри.

Самое подлое в этом месте состоит в том, что мозг копит расплату. Пока человек играет в «это всего лишь тренажёр», в нём накапливается долг, и долг растёт быстрее, чем кажется. Он собирается в один узел, затягивается, крепнет, и потом приходит разом, по всем счетам сразу. Тогда в дело вступают уже не мышцы и даже не воля, тогда трещит опора внутри головы. И если в этот момент у человека остаётся только роль игрока, а не роль бойца, то рассудок уходит первым.

Я шагнул на пол станции и задержался на секунду. Мне нужно было переждать, пока зрение отпустит остатки внутренней картинки, пока перед глазами перестанут плясать кровавые мальчики и схемы прицеливания. После полёта в капсуле и стерильной пустоты реальный воздух всегда ощущается иначе, плотнее и гуще, словно вода.

Таблетку из кармана я достал на ходу резким движением, словно боялся, что кто-то перехватит руку, и закинул её в рот. Сегодня я не собирался экономить. Разжевал безвкусную массу без удовольствия. Вода ушла следом. Бутылка опустела в несколько глотков, жадных и глубоких, возвращая телу контроль. У меня была догадка, что в таблетки кладут не только питание. Там явно присутствовала какая-то химия, иначе я не объяснил бы свою работоспособность. И всё же другие не учились с моим маниакальным упорством. Я видел ещё нескольких таких, но их были единицы на весь поток.

У меня оставалось пять таблеток и пять бутылок воды. Для местных обитателей это ресурс феноменальный. Большинство держит в карманах заветренные крошки, молится на них и боится тратить, а потом всё равно падает лицом в пол от истощения, так и не воспользовавшись своими «богатствами». Я держал запас в жилой капсуле не из скупости, а потому что понимал механику этого места. Таблетка даёт организму ресурс, топливо для горения, и каждая лишняя таблетка добавляет силы, выносливость и ту кристальную ясность ума, которая нужна, чтобы закрывать круги обучения. От лишней еды здесь не становится хуже, если не загонять себя кнутом до потери ориентиров. А ориентиры я держал крепко. Можно было бы съесть и десять, и пятнадцать этих пилюль, и измученное тело только поблагодарило бы, впитав их без остатка. Сегодня восстановление до приемлемого физического и психологического состояния стоило мне половину таблетки и половину бутылки воды сверх нормы.

Мне нужно было снять напряжение, и сделать это нужно было прямо сейчас, пока оно не впилося в психику клещом и не начало диктовать поведение. Я уже видел тех, кто живёт на зажатых до скрипа зубах и на стиснутых кулаках, копит боль и неудачи, а потом срывается на первом попавшемся и превращается в зверя. Здесь такие срывы заканчиваются быстро. Появляется полицейский дроид, стреляет из станера и уносит обездвиженного бедолагу в неизвестном направлении. Экономная Академия Имперской Колониальной Администрации вряд ли пустит нарушителя в распыл, для буйных наверняка предусмотрено другое применение.

Я вышел в общий коридор, и он встретил меня неизменной процедурностью.

Свет ровный, мертвенно-холодный, без игры теней и без отдыха для глаза. Панели стен гладкие и белёсые, как кожа давно умершего, обескровленного существа, и по ним тянутся тонкие, едва заметные швы, прячущие жилы коммуникаций. Пол упругий и чуть пружинит под ногой, напоминая, что мы на станции, и шаги здесь звучат иначе. Каждый мой шаг сопровождается едва заметная светящаяся стрелка на полу, и она становится ярче, когда я останавливаюсь. Вентиляция держит одну ноту, монотонную и почти неслышную. Каждый вдох принадлежит Империи, пока я дышу в долг, и этот долг мне ещё предстоит отрабатывать.

По коридору двигались другие искусственники. Те самые, кого здесь называют «гопами». Словечко образовано из аббревиатуры «ГОП», которая расшифровывается как «гражданин с ограниченными правами». У меня не получалось связывать его с этим значением, и по инерции, по старой памяти, я вернул слову прежний смысл. Поведение у всех одно и то же, язык один и тот же, грубый и скудный, только жизненных сил осталось меньше, чем у уличной шпаны. Они внешне были похожи друг на друга сильнее, чем мне хотелось, и это одна из самых мерзких деталей местного жития. Здесь почти не встретить ярких лиц и характеров, на виду держится серый поток. Серые пижамы, голубые тела, усталые и потухшие взгляды, в которых живёт голод. Разница проявляется в мелочах и в том, кто сколько ещё выдержит, кто сколько ударов судьбы примет, и сколько кто готов заплатить совестью за минутное облегчение.

Когда я вышел на более оживлённый участок, движение массы вокруг меня поменялось почти незаметно. Гопы начали расходиться. Волна отхлынула. Кто-то смешался к стене и вжи-

мался в неё, другой вдруг вспоминал, что ему срочно надо свернуть в боковой проход, а третьи опускали глаза, словно в сером полу нашлась невероятно важная информация. Они начали реагировать на меня так совсем недавно, и это не было признанием заслуг. Это тоже было выгодой.

Слишком много слухов, грязных и пугающих, ходило обо мне, и эти слухи кормили местных барыг, продающих их за глоток воды. Слишком много находилось тех, кто пытался проверить меня на прочность и найти слабину. Слишком много тех, кто с жадностью пираньи хотел вытащить из меня ресурс. Здесь никто не становится неприкасаемым. Здесь просто выбирают, где риск оправдан возможной прибылью, а где проще и безопаснее взять добычу помельче.

Я шёл ровно и размеренно, не ускоряя шаг. Любая суетливость выглядит здесь страхом, а страх считывают мгновенно, как акулы считывают кровь. Плечи я держал опущенными и ослабленными, потому что зажатые плечи выдают напряжение и готовность к удару или бегству. Взгляд я держал прямо перед собой, потому что взгляд, уткнувшийся в пол, делает из человека удобную мишень. Сколько раз за сегодня я погиб? Пять. Но это всё в полном погружении. В жизни иногда хватает одного раза.

Пара фигур в конце коридора сбилась в плотную кучку и вела разговор вполголоса. До меня долетали только обрывки звуков, а смысл читался в телах лучше любых фраз, потому что позы выдавали всё. Наклонённые головы, короткие кивки, рука, зависшая у груди, как привычка держать дистанцию даже в беседе. Они заметили меня, и разговор свернулся одним движением, будто его заранее держали на готовности к отмене. Пауза встала ровной стеной, и в этой паузе было выжидание, собранное и спокойное, как у охотника, который уже оценил зверя, прикинул риск и решил оставить бросок на более удобный момент.

Я прошёл дальше тем же ровным темпом и удержал взгляд прямо перед собой. Я отметил это без внутреннего шума, почти механически, как фиксируют факт на приборной панели. Эти двое оставались в игре и выбирали осторожность как рабочий режим. Они держали дистанцию, прятали интерес в нейтральных позах и растворялись в общем движении коридора, чтобы быть рядом и одновременно выглядеть частью фона. Их внимание становилось тише и аккуратнее, и от этого оно ощущалось опаснее, потому что так прячут клинок до команды.

С тех пор как я закрыл базовую военную подготовку, обитатели станции ведут себя со мной иначе. Пройденная «Военка» дала мне репутацию и ореол опасности. Эту репутацию можно тратить, покупая себе пространство, можно копить, можно обменивать на секунды безопасности. Мирные специальности я закрыл раньше, ещё до того, как взялся за оружие, и это стало благодатным топливом для местных легенд.

Техника мне давалась легко. Нейрошунт, вживлённый в нас, снимал барьер между нервной системой и машиной, и если сознание умеет работать с техникой и чувствовать её нутро, тело быстро принимает управление многотонной машиной как естественное продолжение конечностей. Тракторный модуль, неповоротливые тягачи, юркие погрузчики, тяжёлые грузовики, любая колониальная техника, которую здесь называют длинными скучными служебными аббревиатурами, держится на одном принципе.

Чувство массы и чувство инерции, а ещё умение заранее, за миг до события, видеть траекторию движения. Я видел эту траекторию и чувствовал вес машины так, словно он был моим собственным, поэтому закрывал задания быстрее, чище и эффективнее. Другие бедолаги видели перед собой приборную панель с мигающими лампочками, ломались, психовали и ошибались, потому что внутри ничего не цеплялось за знакомое и не отзывалось на зов механизма. Они боролись с машиной, а я с ней сосуществовал.

После утомительной, но необходимой базы мирных навыков, когда я, скрипя зубами, перебирал виртуальные детали и выучивал наизусть скучные схемы колониальных тракторов, пошли лётные курсы.

Сначала межпланетный класс. Этот учебный модуль словно был создан, чтобы научить человека дышать заново, только уже не лёгкими, а машиной. Подъём, медленный, будто во сне, набор высоты, прорыв через плотные, сопротивляющиеся слои атмосферы, выход в черноту вакуума, тонкая работа с тягой, торможение, вход обратно в огненную купель и, наконец, посадка. Эта сложная хореография держалась на фундаментальном принципе, на понимании того, как мёртвое тело машины отвечает на живую человеческую мысль.

Нейрошунт в мозгу читал намерение напрямую и передавал его на органы управления. Когда намерение становилось монолитным и точным, машина слушалась беспрекословно и превращалась в продолжение нервной системы. Когда намерение рвалось и нервничало, когда в нём проступал страх, машина начинала жить капризной и опасной жизнью, и учебный курс мгновенно превращался в липкий, потный кошмар, из которого нельзя проснуться. Можно только погибнуть вместе с машиной в режиме полного погружения.

У меня, к счастью или к несчастью, с техникой получалось обращаться неплохо. В полном погружении я почти не погибал.

Глава 3

Первый свой виртуальный взлёт я проделал подчёркнуто аккуратно. Почему? Потому что давно усвоил, что осторожность в самом начале пути экономит бесценный ресурс потом. Тяга росла плавно, наливалась мощностью, вибрация проходила по корпусу корабля, и низкий утробный гул отдавался в груди, резонировал в рёбрах, словно я сам становился частью этой конструкции из космической брони.

Потом наступал тот самый момент истины, когда атмосфера, державшая корабль невидимыми руками, вдруг отпускала, переставала цепляться за обшивку, и ты всем нутром ощущал пустоту. Каждый раз эта враждебная среда (а вернее полное отсутствие её) пробовала меня на вкус, словно хищник. Космос ловил малейшие ошибки и с радостью превращал их в бесконечное падение. Но я редко разбивался в полном погружении.

Посадки я полюбил странной, холодной любовью – не из-за романтики (какая романтика в консервной банке, падающей с небес?), а из-за требовавшихся сосредоточенности и точности. Когда многотонная машина входит в плотные слои, воздух становится твёрдым, как бетонная плита. Соппротивление бешено тормозит, а каждая, даже мельчайшая коррекция курса меняет траекторию, отделяет жизнь от смерти.

В эти моменты мозг работал иначе. Разум сужался до одной конкретной задачи, фокусировался в точке, становился жёстким, как алмаз. Мысль переставала расползаться на постороннее. Страхи, сомнения, воспоминания и посторонние мысли отступали. Тогда я чувствовал, что живу по-настоящему, и это острое ощущение бытия нравилось мне до дрожи.

Стыковка с орбитальными базами – совсем иной вид точности. Здесь не было спасительной атмосферы, которая сгладит и простит ошибку. Тёплая и вязкая воздушная подушка отсутствует как класс. В открытом космосе остаются лишь холодная, безжалостная геометрия, микродвижения и расстояния. На экране монитора они выглядят смешными, игрушечными, но при малейшей неосторожном мгновенно оборачиваются катастрофой.

Я до мелочей помнил свою первую стыковку. Держа курс, вцепился взглядом в показания приборов. Зелёные навигационные метки плыли перед глазами на экране дополненной реальности, накладываясь на живую картинку. Станция висела впереди, словно гигантский мёртвый остов майского жука, ошестинившись антеннами. Вокруг неё по контурам медленно бежали ровные служебные огни. Я видел стыковочный шлюз – крошечное окно узла, похожее на глаз циклопа.

Навигационная система требовала точности до долей миллиметра, которых в земной жизни никто никогда не ощущает. Электроника тяжёлой баржи, которую я пилотировал в режиме полного погружения, подсказывала и рисовала векторы через нейрошунт, но не делала работу за пилота. Лишь давала необходимые показания и инструменты, а я всё равно должен был знать и делать сам.

Действуя строго по инструкции, я провёл стыковку точно и мягко, словно опустил собственный зад на мягкую перину. Касание ощущалось всем корпусом, раздался короткий сухой сигнал фиксации, и по корпусу пробежала вибрация. Мне захотелось усмехнуться – злу и торжествующе. Чувство было такое, будто я вставил сложный ключ в скважину с первой попытки, и замок послушно щёлкнул. Бытовая физика, только масштабы иные, а цена ошибки неизмеримо выше.

Потом пошли повторения в разных вариациях и условиях. Приходилось взлетать, садиться, стыковаться на разных ходовых классах внутрисистемных кораблей. До тошноты. До автоматизма.

Для многих курсантов эти монотонные повторения становились изощрённой пыткой. Для меня же они превращались в ремесло – именно этого я и хотел. Когда навыки закрепились, всё стало рутиной и перестало давить на психику.

Но глайдер... Он выбил меня из этой спокойной, ремесленной ровности.

Глайдер – чистая скорость и риск, возведённые в абсолют. Это пьянящее ощущение, будто летишь на самой грани возможного, а она улыбается тебе щербатой улыбкой. Именно поэтому я вцепился в него так, словно от этого полёта зависела сама жизнь. В сущности, так оно и было.

Пять заходов подряд. Каждый следующий давил сильнее предыдущего, выжимая соки. Но восторг от скорости и беспредельной свободы пьянил. На Земле до таких скоростей ой как далеко!

Тело, только что вынутое из капсулы, всё ещё помнило дикую перегрузку. Особенно тот страшный момент, когда скорость становилась слишком высокой для человеческого восприятия. Мозг начинал безнадежно отставать от траектории. Тогда спасала лишь вбитая в подкорку привычка и чистая, животная реакция.

Я помнил, как сначала астероидное поле было редким – камни выглядели безобидными обломками в пустоте. Потом их становилось больше, расстояния между ними сжимались, и пространство превращалось в извилистый, смертельный коридор, который каждое мгновение менял форму.

Сквозь напряжение лезла дикая, неуместная радость. Восторг распирает изнутри, дурной и детский. Я ловил себя на том, что ликую. Именно здесь, во время безумного слалома, нейрошунт давал почти божественное ощущение свободного полёта. Хоть руки и не держали штурвал, но я задавал направление мыслью, одним своим желанием, и корпус машины отвечал мгновенно. Глайдер проходил между космическими булыжниками, словно проскальзывал между зубами огромного космического монстра.

И в какой-то момент, на пике этого безумия, я понял, что система не выкидывает меня из симуляции, хотя по всем правилам должна была. По жёсткому регламенту она обязана срезать обучение, когда организм выходит за предел допустимых нагрузок. Обычно она делает это охотно, бесстрастно – человеческий ресурс надо беречь для Империи. Но не сейчас.

Там, в капсуле, краем глаза я увидел лицо Коля в отражении на полированной прозрачной броне колпака кабины. Его довольная, плотоядная ухмылка оказалась хуже любого приказа и понятнее любых слов. Немой сигнал, что он наблюдает. Смотрит, как в цирке. Проверяет, сколько выдержу, прежде чем лопну от перегрузки.

Словом, выдержал я, видимо, достаточно, чтобы в итоге всё равно разбиться. Хотя я не считал это провалом. Скорее это выглядело как нащупывание границы, за которой лежал мой предел – нынешний предел. Границы и нужны для того, чтобы понимать, где начинается следующий уровень мастерства. Вот только я не знал, достаточно ли этого для перехода на новый уровень обучения.

Эти тяжёлые, холодные мысли шли рядом со мной, пока я шагал по станции. Они ложились на мою реальность плотно и надёжно – как бронепластина на уязвимое ребро. Удерживали от предательской дрожи в коленях, от раздражения на весь свет, от лишней и опасной резкости в движениях.

Я поворачивал за угол – искусственники снова расступались передо мной, как вода перед носом корабля. Кто-то смотрел с голодом, не имеющим отношения к еде, потому что они жаждали власти, силы и чужого унижения. Кто-то – с ненавистью. В этом закрытом мире ненависть зрела в умах гроздьями, всегда была завязана на цифры, пайки, выживание. Я игнорировал липкие взгляды и замечал, как другие гопы пытаются сделать вид, будто просто идут по своим делам, не замечая меня.

Всё, что я делал здесь, было ради единственного шанса, который мне дали. Я не собирался тратить его на иллюзии, не собирался ломаться, делая вид, будто я выше этой грязи. Здесь никто не выше. Все мы в одной яме – просто кто-то держится на плаву дольше других. У меня пока получалось.

Я шёл к месту, о котором мы договорились заранее. Дорога проходила через участок станции, где освещение было слабее, панели стен имели чуть другую, более грубую фактуру – словно этот сектор собрали наспех, раньше других, а потом кое-как пристроили к основному телу станции. Здесь меньше прямых проходов, меньше тех, кто шляется от скуки, и больше тех, кто обделывает тёмные дела.

Я заметил двух знакомых типов из «старичков», которые обычно работали грубой силой, проще говоря, вышибалами. Искусственники все похожи, но не как братья и уж тем более не похожи на близнецов. Но эти двое особенно выделялись, каждый на голову меня выше и вдвое шире. Они стояли у входа в боковой коридор и старательно изображали полное равнодушие к окружающему миру, но их подчёркнуто расслабленный вид выдавал интерес.

Я прошёл мимо, не сбавляя шага. Они не двинулись – даже бровью не повели.

Это тоже было частью моей новообретённой репутации. Они понимали, что риск сегодня не окупится. Знали, что у меня есть ресурс, что я закрыл базовую специализацию рукопашного боя и опасен. Конечно, могли попытаться и зажать в тёмном углу, полезть к моим карманам. И у них скорее всего получилось бы. Слишком велика разница в физических кондициях. Вот только сами при этом могут получить такой сдачи, что о репутации можно будет позабыть. Словом, проверять на своей шкуре, насколько легенда о моей подготовке соответствует реальности, желания у них не возникло. И это было хорошо.

На следующем повороте я увидел её.

Девушка стояла там, где мы и договаривались. Здесь было ровно столько света, чтобы разглядеть её силуэт, и достаточно густой тени, чтобы не привлекать любопытные глаза. Искусственница выглядела чужой даже по меркам этой станции, где все мы так или иначе походили друг на друга. Чуждость сидела в ней глубже – в пластике движений, в кошачьей грации. И в том, как смотрела на мир настороженно, умно, словно заранее, на два хода вперёд, просчитывала все возможные варианты развития событий.

Она заметила меня сразу. Её взгляд скользнул по мне.

Я замер, словно наткнувшись на невидимую, но вполне осязаемую преграду. Это была та самая дистанция, на которой разговор ещё возможен, даже может носить характер некоторой интимности, но внезапная подлая атака, будь то нож в рукаве или пистолет, уже не выглядит удобной. Метр пустоты между двумя существами единственная гарантия, что беседа не прервётся хрипом перерезанного горла. Подойти ближе значило бы вторгнуться в личное пространство, спровоцировать, надавить. Остаться дальше – это значит выказать страх, недоверие, крикнуть о своей слабости. Я выбрал золотую середину и замер в точке равновесия, где встречаются настороженность и деловой интерес.

Тело всё ещё хранило в каждой клетке память о чудовищной перегрузке. Мышцы помнили свинцовую тяжесть и дрожь, возникавшую, когда человеческая плоть пыталась спорить с инерцией многотонной машины. В висках постукивал глухой, далёкий молоточек – эхо того белого шума, в который я провалился в капсуле.

Но химия уже вступила в свои права. Таблетка, проглоченная в коридоре, работала. Холодный синтетический покой с дополнительной дозой витаминов и чего-то стимулирующего уже расходился по венам, гасил пожар в нервных окончаниях, выравнивал ритм сердца, убирал тремор рук. Внутри царил штиль – страшный и прекрасный, как на поверхности ледяного озера. Я чувствовал, что снова владею собой – пусть и займы у фармакологии.

Я плавно и медленно поднял руку, словно проверяя воздух на плотность. Ладонь была пуста и открыта. Жест древний, почти наивный, но здесь, в чреве станции, он значил больше

любых слов. Я показывал, что пришёл с пустыми руками, что помню условия и не собираюсь начинать с удара.

– Я пришёл... – сказал я.

Голос прозвучал ровно, без нажима. В таких местах интонация важнее смысла. Стоит дать слабину или, наоборот, сорваться на вызов, и тебя тут же запишут в расход. Пусть не она, но те два мордоворота точно. Следить за собой приходилось тщательно. Слова упали в тишину и остались лежать. Я был здесь. Свой шаг сделал. Теперь очередь за ней.

Девушка стояла в тени, почти сливаясь с ней. Видно было только лицо – бледное, словно отполированный камень. Услышав меня, она чуть наклонила голову. Движение вышло коротким, птичьим, хищным и неожиданно изящным. На губах медленно проявилась улыбка.

Я вглядывался в неё, стараясь понять, что за ней скрыто. Это была не улыбка участия и не насмешка. В ней не было ни тепла, ни сочувствия, ни даже привычной игры между мужчиной и женщиной. Только расчёт. Холодное удовлетворение человека, который видит, что сложная схема сработала без сбоя. Значит, всё идёт по плану. Значит, меня удалось загнать туда, куда нужно.

Её взгляд скользил по мне, не задерживаясь. Плечи, стойка, напряжение в теле. Так смотрят оценщики, прежде чем назвать цену. Я выдержал этот осмотр и не отвёл глаз. Пусть видит, что я не развалился, и что всё ещё опасен, но при этом готов говорить. Между нами повисло напряжение, плотное и осязаемое, как натянутый трос.

Я сделал полшага вперёд, но дальше уже было нельзя. Черта осталась за спиной. Мысли, тянувшиеся за мной от самой капсулы, – о Коле, о его кривой усмешке, о разбитом глайдере, о пределах моих сил – оборвались сразу. Как обрывается звук, когда захлопывается люк. Прошлое исчезло. Будущее сжалось до этого коридора. Остался только миг, она и то, ради чего мы встретились.

– Думала, ты снова пройдёшь мимо... – сказала она, прищурившись.

Голос был низкий, с хрипотцой, и неожиданно тяжёлый. В нём не звучало упрёка. Скорее привычка выбирать и брать первой, не дожидаясь, пока возьмут её. Она стояла так, чтобы я видел её лицо и ладони – пустые, открытые, – но вокруг всё ещё хватало тени, в которую можно было исчезнуть одним движением.

Её синеватая кожа в электрическом свете казалась литой. От этого странного, неживого оттенка красота становилась только резче. На станции все были похожи друг на друга, но у неё получалось выбиваться из общего ряда. Девушка будто нарочно подчёркивала свою чуждость, хищную живость и жадность до человеческого тепла.

– Я прихожу и ухожу, когда мне выгодно, – пожал плечами я. – Какая цена?

Она снова наклонила голову, и на мгновение по лицу прошла дрожь. Короткая, непривольная. Терпение у неё кончалось, и маска начинала сползать.

– Вода и таблетки... – выдохнула она и тут же прикусила губу, поняв, что сказала лишнее.

– Полторы. – ответил я.

Она втянула воздух. Полторы таблетки здесь... Это звучало не как торг, а как признание. Обычная норма была одинаковой для всех: три таблетки концентрата и три бутылки переработанной воды в сутки. На этом можно было тянуть время, изображать жизнь, выключив в себе всё лишнее. Но это была не жизнь. Просто отсрочка.

Она смотрела на меня тёмными провалами глаз, и я почти физически ощущал, как в ней сцепились расчёт и нужда. И пока ни одно из них не хотело уступать.

У тех, кто носит внутри себя не совсем человеческую природу, кто был перекроен генетиками и эволюцией чужих миров, эта необходимость идёт глубже памяти, глубже разума. Память им вычистили, прошлые имена вырезали, биографию затёрли, но инстинкт не убрать, иначе вся психоматрица посыплется. Инстинкты работают как дыхание, жажда или голод. Они поднимаются из тёмных глубин естества и требуют своё.

Она была из тех, кто сам выбирает, кому давать, кому позволить коснуться себя, и в этом призрачном выборе у неё сохранялась тонкая струна собственного достоинства.

– Тебя пришлось ждать, – сказала она, и в голосе проскользнуло что-то похожее на упрёк брошенной жены. – Долго...

– Я был занят, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

Она улыбнулась снова, но теперь эта улыбка была ближе к злой усмешке, обнажающей зубы.

– Занят тем, что дохнешь в капсуле? – констатировала она.

Я не дал своему лицу дрогнуть, не позволил ни одной мышце выдать раздражения.

– Это моё дело, – ухмыльнулся в ответ я.

Её взгляд, цепкий и внимательный, скользнул по мне ещё раз, внимательнее, чем раньше. Она видела. Чёрт возьми, конечно же, она всё видела. Она видела то, что я нёс на себе невидимым грузом после изматывающих погружений в виртуальность. Чуть более пустой, расширенный зрачок, смотрящий сквозь предметы; чуть более ровный, механический вдох, когда организм, накачанный химией, насильно держит себя в руках; и ту особую, вибрирующую напряжённость мышц, когда тело ещё помнит чудовищную перегрузку, хотя коридор вокруг спокоен и неподвижен. Она могла не знать технических подробностей моих тренировок, но, как зверь, считывала след боли и напряжения.

– Значит, тебе нужно снять... – произнесла она тихо, почти интимно, утверждая очевидное. – Стресс?

– Необходимо, – поправил я её, намеренно огрубляя смысл.

Она на всего на миг, задержала жадный взгляд на моём кармане, где должны были храниться заветные таблетки, и медленно, с шумом выдохнула, после некоторой внутренней борьбы приняв навязанные правила игры.

– Ты знаешь мою репутацию? – спросила она.

Оставалось кивнуть. Знал. Именно поэтому я здесь.

– Не кидаю никого и никогда...

– Я тебя знаю, – подтвердил я. – Именно поэтому рассчитывайся сейчас.

Глава 4

Её лицо заострилось, стало резче, хищнее.

– Боишься меня? – бросила она, пытаясь уколоть.

Я позволил себе короткую улыбку, которая ничего не обещала, пожал плечами и ответил.

– Так я пошёл?

Она помолчала, борясь с собой, затем, решившись, достала из кармана плату. Таблетки выглядели одинаково мерзко. Светлые, матовые кругляши, будто спрессованные из мела. Замурзанные десятками пальцев полторы таблетки. Она отмерила их жестом, в котором, несмотря на унижительность момента, чувствовалась профессиональная привычка работать с ценой, знать вес и меру. Пальцы её, длинные и тонкие, всё отделили ровно.

Она протянула мне их и сразу же, рефлекторно, словно испугавшись собственной смелости, захотела вернуть руку назад. Я забрал плату спокойно и так же деловито спрятал его в свой карман.

– Теперь идём, – скомандовал я.

– А если ты сорвёшься и уйдёшь? – вдруг произнесла она, и в голосе у неё проступило то, что она обычно так тщательно скрывает – страх обманутой надежды. – Ты возьмёшь таблетки и просто уйдёшь.

Я поднял на неё глаза.

– Мы одинаковые. Тратить время на мелкие фокусы и дешёвое кидалово нерационально.

Она выдержала паузу, всматриваясь в меня, ища подвох, потом резко повернулась и пошла первой. Ей нравилось идти впереди, это было заметно. Видимо, потому что так сохранялась для неё иллюзорное ощущение контроля над ситуацией, и ещё потому, что так было проще спрятать от меня свою унижительную спешку, своё желание поскорее закончить торг и получить своё.

Мы прошли туда, где свет был слабее, болезненно-жёлтым, и где панели обшивки казались грубее, шершавее. Этот сектор был старый, словно черновой, собранный когда-то наспех первыми строителями, и на нём навсегда остался отпечаток этой поспешности. Швы здесь были заметнее, линии переходов – жёстче, угловатее, а звук вентиляции казался громче, назойливее, будто сипение умирающего прямо над ухом. Но тут было меньше случайных глаз, потому что случайные глаза, ищущие лёгкой наживы, бродят там, где есть что урвать, где кипит жизнь. Здесь же царил запустение. Даже дроиды-уборщики заезжали сюда нечасто.

Она шла ровно, стараясь держать спину прямой, но всё равно я видел, как её тело, затянутое в синтетику, выдаёт внутренний пожар. Плечи чуть поджаты, напряжены, кисти рук иногда судорожно сжимаются в кулаки, потом бессильно разжимаются. Было похоже на то, что она из последних сил держит себя на коротком, строгом поводке, но уже режет ладонь до крови.

– Ты всегда всё считаешь? – бросила она через плечо на ходу, будто пытаясь задеть меня, вызвать на эмоцию. – У тебя вместо души калькулятор?

– Я всегда выживаю, – ответил я равнодушно. – В отличие от тех, кто не считает.

Она коротко, сухо усмехнулась, и в этом звуке не было насмешки. Там было мрачное, горькое согласие с моей правотой.

Дверь, ничем не примечательная в ряду таких же серых панелей, открылась, пропуская нас в пустой тамбур, которым пользовались только сервисные дроиды, и мы вошли в узкое, тесное пространство, в котором не было ничего лишнего, ничего, что могло бы отвлечь или утешить. Поверхности гладкие, функциональные, стерильные. Воздух здесь был чуть теплее, чем в коридоре, свет – приглушённый. Здесь станция лицемерно делала вид, что у неё есть укромные, тёмные углы, где люди могут оставаться людьми, где они могут сбросить панцири.

На самом же деле это был ещё одна шестерёнка в механизме контроля, просто не прописанная в официальных регламентах... А может и прописанная, кто их этих лубасири знает. Отдушина для пара, чтобы котёл не взорвался.

Дверь за моей спиной с мягким шипением закрылась, отрезая нас от внешнего мира, и вместе с этим закрытием у меня в голове словно со щелчком отстегнулась часть внутренних зажимов. Коридорная, звериная осторожность осталась там, за слоем металла. Там осталась привычка держать лицо кирпичом среди голубых, усталых тел и голодных взглядов, где каждый шаг должен быть взвешен на аптекарских весах и где чужой завистливый взгляд всегда ищет твою цену.

Она повернулась ко мне. Теперь мы были одни, запертые в стальной коробке. Её глаза, большие, тёмные, влажно блеснули в полумраке, отражая скудный свет.

– Наконец, – выдохнула она.

Куртка от пижамы полетела прочь, ладони скользнули по собственной груди и животу, по синеватой, натянутой на рёбрах коже, не скрывая, даже нарочито подчёркивая жест. И в этом движении не было ни грамма дешевого лицедейства для случайного зрителя, коим я сейчас являлся. Это было включение древней, утробной механики, пробуждение тёмного и мощного инстинкта, что жил в нас испокон веков, задолго до того, как эта станция повисла в пустоте. Искусственница делала это так, словно сама была регулятором температуры в этом крохотном, замкнутом пространстве, и я, несмотря на усталость, мгновенно понял – она умеет. Она умеет не просто пассивно брать, подставляя тело под удар чужой похоти, она умеет виртуозно управлять чужой реакцией, дёргать за ниточки инстинктов как кукловод.

Я остался стоять неподвижно, истуканом, давая себе драгоценную секунду на передышку. Тело моё после пытки в капсуле всё ещё гудело, как перетянутый высоковольтный провод под нагрузкой. Нервные окончания, оголённые и чувствительные, ещё не успели забыть свои фантомные удары о виртуальные препятствия, и любое, даже самое невинное прикосновение обещало сейчас стать слишком сильным, обжигающим, почти невыносимым.

Чуткая, как зверь партнёра, заметила мои колебания и улыбнулась уже иначе – мягче, обволакивающе, но в этой мягкости таилась куда большая опасность, чем в прямом вызове.

– Ты устал, – проворковала она, и это прозвучало не как вопрос, а как диагноз.

– Угу, – сухо согласился я, стремясь отсечь все лишние эмоции.

Не хватало начать рвать душу перед случайной, едва знакомой искусственницей.

– Тогда я сделаю так, чтобы ты перестал думать...

Прошептала она, и в голосе её зазвучали обещания забвения.

Она с отчаянной торопливостью скинула тапочки и штаны, и поспешность выдавала её истинное состояние лучше любых сбивчивых признаний. Тонкие, дрожащие пальцы путались в застёжках, казённая ткань пижамы цеплялась за влажную синеватую кожу, и она сердито, с досадой выдыхала сквозь зубы, как человек, которому вдруг стала невыносимо мешать собственная оболочка. В этом порыве не было ни капли стыда. Лишь требование, настойчивое и властное, которое она не собиралась откладывать ни на секунду.

Когда последняя тряпка с шорохом упала на металлический пол, она шагнула ближе, вторгаясь в моё личное пространство, и я физически почувствовал, как воздух между нами сгущается. Это ощущение было пугающе похоже на тот критический момент в полёте, когда пространство сжимается в точку и начинает требовать от пилота немедленного, единственно верного решения. Только здесь, в этой тесной камерке, решение было не про траекторию, не про вектор тяги, а про контроль над собой.

Её пальцы, прохладные и властные, коснулись моей шеи, и по коже мгновенно прошёл электрический разряд. Мощный физиологический импульс, который заставляет мышцы сокращаться и отвечать быстрее, чем успевает сработать неповоротливая мысль. И я вдруг кристально ясно понял, почему многие сильные люди на этой станции ломаются именно на этом.

После бесконечной серой рутины, после тысяч одинаковых шагов по коридорам, после похожих один на другой синтетических сигналов подъёма и отбоя и идентичных норм потребления любая живая искра воспринимается истстрадавшимся сознанием как божественное откровение. Разум хватается за отдушину, как за спасательный круг, и в этот момент он готов продать всё – честь, будущее, саму жизнь, – лишь бы эта искра повторялась снова и снова.

Она прижалась губами к моему подбородку, затем скользнула к углу рта, и делала это так расчётливо, так опытно, будто училась прямо сейчас на моей реакции, калибровала свои действия. Пробовала давление, меняла темп, выдерживала паузу. Она мастерски поднимала во мне тёмную, горячую волну и сразу же удерживала её на самой грани, не давая схлынуть, не давая расслабиться.

Я почувствовал, как где-то глубоко внутри, в солнечном сплетении, поднимается глухая, тяжёлая злость. Та самая, первобытная ярость, что остаётся на дне души после предела, который ты нащупал и не смог пробить. Да, я достиг предела, упёрся в него лбом, и ненавидел это знание своей ограниченности. Мне хотелось раздавить этот предел, разнести его в щепки и пройти дальше, за горизонт. И эта злость теперь требовала выхода, искала цель, потому что иначе она начнёт грызть меня изнутри, пока не выжжет дотла.

Она не знала, откуда взялась моя злость, не видела моих виртуальных битв. Но ей и не нужно было знать. Она чувствовала её своим телом, кожей, так, как чувствуют жар, идущий от раскалённого куска металла.

– Вот так, – прошептала она мне прямо в губы, и голос её стал низким, почти шершавым, вибрирующим. – Отпусти всё и возьми меня.

Но я держал себя ровно, сжав волю в кулак, потому что это то, что делает тебя хозяином положения. Хозяин как известно живёт всегда дольше раба. И всё равно, я чувствовал, как мои мысли начинают течь, плавиться, как плотный слой привычной, наработанной годами собранности становится мягче, податливее, течёт как воск.

Она провела ладонью по моей груди, и ладонь её была живой, тёплой, настоящей. От этого простого тепла меня словно с силой вытолкнуло из капсулы обратно в собственную плоть, в реальность ощущений. Моё дыхание мигом сделалось хриплым и неровным, и понял, что оно стало глубже, жаднее. Я почувствовал запах её кожи – густой, мускусный, живой, который существует только рядом, в интимной близости, и от этого запаха в голове стало тесно. Мысли спутались.

Она смотрела мне прямо в глаза, не мигая, и улыбалась так, будто знает ответ заранее, будто уже победила.

– Ты тоже этого хочешь, – прошептала она утвердительно. – Лайна. Запомни моё имя. Как тебя звать?

– Арсений, – ответил я, и голос мой прозвучал чужим. – Я хочу тебя, Лайна.

– Тогда возьми, – выдохнула она.

Она заставляла меня наращивать темп не прямым, грубым давлением, а мелкими, коварными шагами, отступая и наступая. Прикосновение – пауза. Поцелуй – пауза. Движение тела ближе – снова пауза. И в каждой такой паузе мой взбудораженный мозг успевал на долю секунды вернуть контроль, схватиться за поручень рассудка, а потом снова терял его, срывался в бездну, потому что тело, истосковавшееся по простым радостям, требовало продолжения.

Я стиснул зубы на мгновение так, что желваки вздулись, потому что отчётливо понял, куда всё это катится. Я вспомнил тех несчастных, кто бездумно платит последними таблетками за минуту такого забвения. Я вспомнил Старичка, шептавшего мне в ухо, что здесь продаётся всё, абсолютно всё, что делает существование хоть на грамм легче. И секс тоже. Особенно секс, потому что это суррогат счастья.

Но я научился продавать, а не покупать. Получилось превратить свою потребность в холодный инструмент манипуляции. И всё равно сейчас, в эту минуту, когда её опытные

ладони снова проходили по моей коже, когда её влажные губы снова безошибочно находили самые чувствительные точки, мне мучительно, до боли хотелось плюнуть на собственную идеологию, на все свои принципы и просто утонуть в этом омуте, забыться, исчезнуть. Вот это и было настоящей, смертельной опасностью. Не внезапное нападение в тёмном переходе, не электрические разряды станеров охранных дронов, не косые, оценивающие взгляды в коридорах. Настоящая опасность сидела глубоко внутри меня самого, в этом сладком, липком желании сдаться и забыться.

Она чувствовала, всем своим существом чувствовала, что я сопротивляюсь, что я не даюсь ей полностью, и её глаза стали темнее, почти чёрными.

– Ты всё время считаешь, – прошипела она почти сердито, с обидой. – Даже здесь, даже сейчас ты считаешь.

Я наклонился к ней ближе, вплотную, так, чтобы она услышала меня не ушами, а кожей, на одном дыхании.

– Какая разница? Ты получила что, хотела. Я здесь.

Её пальцы сжали моё плечо сильнее, ногти впились в кожу, и в этом болезненном сжатии было молчаливое, вынужденное согласие. Несмотря ни на что, Лайне нравилось, что я не превращаюсь в жалкого просящего. Я знал что ей нужно – взять её по праву сильного. Она была в восторге, что партнёр держит себя в железных перчатках даже тогда, когда всё его естество беззвучно вопит об обратном. Самые лучшие женщины ценят в партнёрах ум, волю и силу. Их заводят победители. Это возбуждает сильнее любого красивого слова, сильнее любой изощрённой ласки.

Я позволил себе большее, чем просто механический ответ. Потому что я сам, в здравом уме и твёрдой памяти, сделал этот выбор. Здесь у нас методично вырезают право на выбор, заменяя его регламентом. И когда мы, вопреки всему, сохраняем это право, то внутри продолжает теплиться искра существа высшего порядка. Ты остаёшься хозяином самому себе и своим решениям. Дальше всё пошло тяжёлыми, удушливыми волнами.

Моё тело отвечало так, будто оно было спроектировано именно для таких моментов, и в некотором смысле так оно и было. Насколько я смог узнать из обмолвок старичков, наши оболочки сделали идеальными. Создатели вложили в нас болезненную чувствительность и идеальную биомеханическую отдачу. Каждый контакт, каждое касание воспринималось не просто кожей, а как немедленное усиление сигнала, проходящее сквозь всю нервную систему. Каждое движение отзывалось сразу во всём организме – от кончиков пальцев до корней волос. Не локальной точкой удовольствия, а целой электрической цепью, замкнутой накоротко. Кожа становилась сверхпроводником, жадно впитывающим чужое тепло. Мышцы включались в общий, нарастающий ритм, повинаясь древней программе. Разум переставал быть начальником и с ужасом и восторгом становился лишь не самой важной частью процесса.

Лайна вела партию. Первоначальная торопливость, вызванная жаждой, на глазах превращалась в интуитивное, хищное умение. Она поднимала темп, взвинчивала напряжение – словно наращивала скорость глайдера перед входом в плотные слои. Сквозь пелену я понимал, что это тоже тренировка. Полигон, только мишени здесь не цифровые, а живые. Тренировка контроля на ином, физиологическом уровне. Испытание для тех, кто срывается в безумие, не выдерживая перегрузки чувств.

Я слышал как пульс барабанил в ушах. Чувствовал, как в солнечном сплетении поднимается злость. Она переплавлялась в силу не имевшую ничего общего с животной грубостью. Это был холодный, неумолимый напор. В желание раздавить границу, уничтожить свой предел, уйти дальше, чем позволено природой. Лайна сначала застонала под моим натиском, а потом и вовсе закричала, обхватив меня ногами и вжимая руками себя в моё тело.

Это напоминало критический момент в астероидном поле. Когда понимаешь, что уравнение полёта не складывается, шансов нет. И всё равно идёшь на прорыв сквозь камни, потому что остановка означает мгновенную смерть.

Она шептала мне на ухо – коротко, рвано, бессвязно. Слова не имели лексического значения. Важен был лишь тон – вибрирующий, молящий и требующий одновременно чтобы я не останавливался. Важна была её дрожь, как в лихорадке, на последней нитке сознания. Она получала жизненно необходимое. В каждом её вздохе читалось блаженство человека, который после недели в пустыне дополз до воды.

Когда разрядка наконец накрыла меня, то обрушилась, как горный обвал. И никакой приятной томной расслабленности. Только сознание на секунду поплыло, границы реальности растворились. Удовольствие было настолько сильно, что я отчётливо понял – если дать этому состоянию ещё шаг свободы, я потеряю опору, рухну в бездну и не захочу возвращаться.

Глава 5

Дверь за моей спиной сомкнулась мягко, как это умеет делать механизм, которому плевать на тебя, но который привык работать исправно. Металл лёг на уплотнитель, воздух в шве панелей коротко вздрогнул и выровнялся. Тишина, которую я только что купил и выменял на полторы таблетки, осталась за спиной вместе с теплом чужой кожи и липким ощущением, когда тело ещё держит на себе чужие пальцы, а мозг уже снова возвращается к цифрам, маршрутам и работе.

Я стоял в коридоре и чувствовал, как станция опять надевает на меня метафорическую курсантскую форму. Воздух вокруг не морозил так, чтобы зубы стучали, но и теплым его назвать нельзя. Он держал организм на грани лёгкого дискомфорта, как держат собаку на коротком поводке, не рвущем шею, но и не позволяющем забыть, что ты на цепи. Пятнадцать-шестнадцать градусов, если бы кто-то приложил шкалу, и этого будто бы достаточно, чтобы не умирать, но недостаточно, чтобы расслабиться.

Холод изрядно надоел и сидел уже в глубине организма. Попадал под одежду, забирался под кожу, портил настроение, и каждый раз, когда тело только начинало отпускать, он напоминал о себе неприятной сухостью в горле. Я чувствовал этот фон так же ясно, как слышал монотонный гул вентиляции, одну ноту, на которой станция держала нас круглые сутки. В общем-то звук негромкий, но раздражающий неизменностью.

Я сделал первый шаг, потом второй, и только тогда понял, что тело отвечает с задержкой. Падения сил не наблюдалось, слабости тоже не было, но странная инерция в движениях присутствовала. Мышцы уже отпустило, но я всё ещё помнил, как их сводило в капсуле, как фантомная перегрузка превращала грудную клетку в тиски. Кожа помнила чужое тепло и чужую торопливость, и это воспоминание сидело на мне, как тонкая плёнка. В голове ещё плавал остаток той приятной тяжести, которая приходит после разрядки, когда на секунду хочется перестать думать и просто жить.

И вот тут я сделал то, что делаю всегда, когда хочу остаться в тонусе, а не идти на поводу у обстоятельств. Достал полтаблетки.

Она лежала на ладони светлым матовым полукружием, спрессованная до плотности камня, и выглядела так, будто в ней нет ничего, кроме издевательства. Сколько я их уже прожевал за эту новую жизнь? Десятки, сотни, я сбился со счёта быстро, и всё равно каждый раз язык и мозг встречали это одинаковым отвращением. Привыкание не наступало. Организм принимал их как высокооктановое топливо, но человек внутри продолжал отчаянно сопротивляться.

Я положил таблетку в рот и сразу почувствовал, как она начинает рассыпаться. Сухая пыль расползлась по языку, забилась под нёбо, шуршала на зубах, превращая жевание в работу, похожую на перемалывание песка. Вкуса у этого заменителя пищи не было. Именно это и бесило сильнее горечи, потому что горечь хотя бы какой-то вкус, а не полное его отсутствие. Здесь пищу заменили на пустоту, стерильную, безликую, и я старательно делал вид, что это питание. Но желудок не проведёшь, когда он пуст.

Челюсти сжались сами собой. Я пережёвывал медленно, стараясь не думать о текстуре и отсутствии вкуса, но мысли упрямо возвращались. Песок. Мел. Сухость. Горло будто обложили ватой. Я сделал короткий глоток воды, потом ещё один, маленький, чтобы смочить эту дрянь и превратить её в вязкую кашу. Вода ушла следом, холодная и такая же безликая, как свет на стенах, и только тогда стало легче проглотить.

Тепло пошло по телу не сразу. Оно приходило всегда с задержкой, как будто организм сначала решал, стоит ли вообще тратить ресурс. Потом пришла ясность. Не радость или бодрость. Просто ясность. Голова стала лучше работать, дыхание билось ровнее, сердце перестало

прыгать. Внутри появилось ощущение, что я снова могу держать себя в руках, а не плыть по волнам эмоций.

Я пошёл дальше и по пути ловил на себе взгляды.

Здесь редко смотрят прямо. Прямой взгляд означает просьбу или вызов. Просьба делает тебя добычей. Вызов делает тебя мишенью. Поэтому взгляд скользит, цепляется краем, задерживается на долю секунды и тут же уходит, как будто человек проверяет, можно ли с тебя что-то взять, и если да, то чем рискует.

Я слышал их ещё до того, как увидел. Низкую ленцу в тембре, привычку говорить так, как говорят о бытовых вещах, которые давно надоели, но всё равно приходится делать. В голосе было что-то вязкое, растянутое, словно человек жевал слова так же, как я жевал таблетку, и при этом никуда не спешил.

– Эй... Арсений...

Я слышал это и сразу понял, что это не просьба. Голос не пытался угодить, а обозначал, что меня заметили. Пара слогов, и у меня в голове щёлкнуло, как у пилота, когда приборы дают сигнал, что цель захвачена.

Я не ускорился и не замедлил шаг. Замедление тоже читается, только иначе. Я просто позволил себе остановиться на границе дистанции, где разговор ещё возможен, а внезапная атака уже выглядит рискованной. Повернулся.

И увидел три рыла. Три одинаковых синеватых лица, собранных из одной и той же генетической глины, только характер на них отпечатался разный. Они стояли полукругом, словно случайно, словно просто болтают. Плечи расправлены шире, чем нужно, подбородки приподняты так, что это выглядело привычкой, а не позой. На лице первого читалась усталость, плотная, как грязь, и раздражение от того, что ему приходится жить вот так, в коридоре, тянуть чужое, торговать чужим голодом. Глаза у него были живые, но эта жизнь проистекала из жадности. Жадность всегда понятна и близка многим. Она бодрит и оживляет.

Их руки были пусты. А какими им быть? Инструмент искусственникам не доверяли, оружие запрещено. Но и безоружным старичок опасен, потому что он мог закрыть в прошлый раз базу по рукопашке, а эти ещё опасней, потому что их трое.

Они стояли так, чтобы перекрывать проход, но оставлять мне иллюзию выбора. Я взглянул на второго. Тот держал плечи чуть выше, будто готов в любой момент рвануть вперёд. Глаза у него были как щёлки, прищур, который не выражал хитрость, он выражал привычку смотреть на людей как на добычу. Третий стоял чуть в стороне, ровно там, где удобно подстраховать и ударить с фланга, если разговор пойдёт не так.

И вот в этот момент мне стало ясно, что это быдло. Не потому что они громко ругались или выглядели грязно. Здесь все одинаково чистые внешне, и это делает грязь внутри заметнее. Быдло определяется не одеждой, а тем, что человек выбирает, когда у него есть выбор. Эти трое выбрали отжимать чужое, вместо того чтобы вгрызаться в курсы и набивать себе ресурс. Они выбрали паразитировать.

Голос снова пошёл ленивый, будто он зевает.

– Арсений, ты взрослый парень, сам всё понимаешь. Тут порядок простой, все со старшими делятся. Ты ходишь, таблетки жуёшь, дела свои крутишь, а мы рядом стоим, смотрим, чтоб всё ровно было. Ну так давай, без глупостей, поделился – пошёл дальше.

Он не улыбался. Он даже не пытался играть в доброту. Он просто называл себя старшим, и этого в его картине мира хватало, чтобы чужие таблетки стали его таблетками.

Я не ответил сразу. Дал себе секунду, чтобы оценить расстояние. Дыхание моё было ровным, и это делало голос ровным, а ровный голос не даёт им зацепиться за слабинку.

– У меня свои дела... – сказал я. – ... старшие.

Я не сказал «отвали». Я не сказал «пошёл». Прямой ответ звучит как вызов, к этому они готовы. Это даёт им право. Я сказал нейтрально.

Первый медленно опустил веки, но жадность никуда не делась. На лице промелькнуло раздражение.

– Подскажем, – влез второй, и в его голосе было больше живости, чем у первого. Он пытался продать мне сказку. – Как тут проходить... быстрее...

Я видел, что он сам не верит в то, что говорит. Рядом, чуть в тени, стоял четвёртый. Тот самый вихрастый. Совсем молодой, которого они до этого держали за горло психологически, и он смотрел на меня так, как смотрят на последнюю возможность не отдавать своё.

Молодой был ещё мягкий. Плечи у него поджаты. Глаза бегают. Руки держат бутылку воды, и пальцы на горлышке побелели от того, как крепко он её сжимает. Он уже понял, что эти трое возьмут своё, но всё ещё надеялся, что можно договориться, можно подмазать, если сыграть правильно. Я видел таких раньше. Они верят в справедливость разговора, в то, что правильные слова могут остановить кулак. Таких ломают первыми, потому что они сами подставляются, пока ищут выход, которого нет.

Я тяжело посмотрел на второго. И от этого взгляда он вздрогнул, потому что понял шестым чувством, что будет дальше. Но произносить выводы вслух не было никакого смысла. Я не стал читать лекции, просто дал им факты.

– Здесь никто не проходит быстрее, – сказал я. – Здесь главное не сломаться и продолжать. Иди вперёд.

Слова вышли спокойно. Я держал лицо, но не строил из себя героя. Просто говорил, как говорят о физике.

Третий хохотнул. Смех у него был сухой, как кашель.

Он не сказал «молодец». Он сказал слово, которое обычно бросают, когда хотят обозначить, что тебя уже записали в список тех, кого будут трясти.

– Умник...

Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Не из-за безобидного слова, скорее потому, что они пытаются взять меня на социальный рычаг, как будто я обязан им что-то доказать. Но мне-то плевать на них и вообще на всех. Я давно понял, что доказательства нужны только мне самому, когда закрываешь глаза перед тем как уснуть и думаешь о том, как прошёл день.

Я сдвинулся так, чтобы проходить по границе их круга, не задевая, но заставляя их сделать микродвижение. Это микродвижение и есть проверка. Если они не отступают, значит, будет контакт, а наоборот, значит, они тоже меня просчитывают.

Первый сделал полшага в сторону. Ровно столько, чтобы сохранить лицо.

Глаза у него на секунду соскользнули на мой карман, туда, где могли лежать ещё таблетки. Я заметил это. Он тоже заметил, что я заметил.

И в этот момент я понял ещё одну вещь, которую не нужно произносить. Он устал. Он реально устал от этого коридора, от этого вечного давления имперской машины и здешней мерзкой экономики. Но голод и жажда у него были не меньше усталости, а может и больше. И первый заколебался, но жрать хотелось, и хотелось совсем не по расписанию.

И именно будничность и усталость в паре с голодом давили сильнее любого крика. В крике есть эмоция. В привычке только система.

Я прошёл мимо, не ускоряясь. За спиной послышались шаги и приглушённые голоса. Я не оборачивался, но отражение панели у поворота показало достаточно. Как только я ушёл, они переключились на молодого. Добыча здесь плывёт по маршрутам сама, как рыба по течению. Можно просто выбрать рыбное место.

Сначала я услышал голос молодого, быстрый, сбивчивый. Он пытался объяснить, оправдаться, откупиться словами. Потом увидел, как первый шагнул ближе, и дистанция стала меньше. Когда дистанция становится меньше, разговор заканчивается.

Молодой вынул из кармана белый кругляш. Рука дрожала. Он протянул. Один из троих взял это лениво, как обычно берут сдачу. Движение было настолько привычное, что мне стало неприятно. Вся безобразная сцена не выглядела нападением. Потому и нарушением режима не являлась. Просто один искусственник решил поделиться пищевой таблеткой с другими. Ежедневное занятие, рутина.

Я пошёл дальше. Слабые и неопытные проигрывают быстрее всего. Слабые характером, слабые в смысле готовности принять реальность. Они пытаются договориться, когда им уже выворачивают карманы.

К своему сектору я дошёл без остановок. Поток здесь был реже. Люди двигались осторожнее. Лица становились ещё более одинаковыми, потому что станция стирает различия постепенно, оставляя только функциональные остатки. Я вошёл в свою жилую капсулу, и тесное пластиковое нутро встретило меня тишиной, плотной, как вата. Уюта здесь не было, зато дверь закрывалась и открывалась только по моему штрихкоду на запястье из-за протокола безопасности.

Я сел, положил ладонь на колено и несколько секунд слушал, как бьётся сердце. Пульс был ровным, дыхание тоже. Лишние полтаблетки работали как успокоительное, снимая тремор и накопленную усталость. Тело остывало, и вместе с этим возвращался станционный холод, тот самый фон, который не даёт тебе забыть, что комфорт считается привилегией. Я не мёрз так, чтобы искать второй слой одежды, просто постоянно чувствовал, что мне не дали расслабиться до конца. В этом холоде таилась дисциплина.

Я лёг и расслабился. Сон пришёл быстро и тяжело, словно капсула отключила сознание вместе с освещением, а проснулся от сигнала. Веки поднялись с трудом. Во рту сухо. Глотка просит воды. Голова держит фантомный отголосок вчерашней скорости, липкий, как шум после долгого погружения. Я сделал несколько глотков, чувствуя, как холодная вода проходит по горлу и выравнивает дыхание. И снова поймал этот фон. Температура позволяет жить, но не даёт чувствовать себя живым. Тело всё время держится в состоянии лёгкой напряжённости, и дешевле способа управлять людьми на станции, видимо, не нашли.

Сегодня я не собирался идти к технике. Я это понял ещё ночью, когда уснул. Глайдер показал предел. Не абсолютный, но точно наивысший текущий. Ошибка произошла не из-за отсутствия соответствующего навыка. С навыками как раз всё было более или менее нормально. Она родилась из доли секунды, на которую я не успел. Задание выше моего физиологического потолка. И если система дала мне эту проверку, значит, она ждёт, что я сделаю вывод иотреагирую действиями.

Рефлексы не покупаются таблетками. Таблетки дают топливо. Рефлексы выращиваются через повторение, через боль, через то чувство, когда тело начинает действовать раньше мысли, и мысль только потом догоняет, что тело уже спасло тебя. В космосе можно держать дистанцию. В коридорах дистанция исчезает. И тогда остаётся ближний бой.

Мне не нравилась эта мысль. На Земле я мог бы спорить, рассуждать о цивилизованности, о том, что разумное существо не обязано жить на грани. Здесь цивилизованность сводилась к тому, что процесс выжимания был упорядочен и проходил по расписанию. В таких условиях умение держать человека на расстоянии вытянутой руки и умение сдвинуть его с траектории одним движением становится тем, что определяет срок жизни.

Я зарегистрировался на расширенный курс физической подготовки и рукопашного боя. Интерфейс принял запрос молча. Станция не спорит с теми, чьи желания совпадают с её задачами. Я провёл пальцем по экрану и закрыл панель. Решение далось легко, потому что росло давно. Глайдер показал потолок в скорости, коридор показал потолок в безопасности, и оба потолка упирались в одно – тело не успевало за ситуацией. Мне нужно было добрать то, что таблетки дать не способны.

По пути я снова увидел старичков. Они уже работали. Трясли другого и делали это аккуратно, без лишних движений. Их интересовал результат. Молодой, которого держали, уже не спорил. Он протягивал им то, что требовали.

Я прошёл мимо. Плевать. Голос первого догнал меня почти дружелюбно, как будто речь шла о бытовой мелочи.

– Видишь, Арсений... Молодёжь к экономике приучаем.

Я не ответил, просто криво усмехнулся в ответ. Плевать.

Дальше коридор повёл меня к блоку капсул полного погружения. Там свет был ярче, воздух суше, шаги звучали иначе, будто пол под ногами стал жёстче и официальнее. Всё говорило о том, что я вхожу в место, где человека ломают и собирают заново.

Мысль упрямо возвращалась к глайдеру. Не к катастрофе или боли, за ней последовавшей, а к короткому мгновению, когда я понял, что ограничитель не включился. Система дала мне скорость и не остановила меня, хотя обязана была. Значит, кто-то смотрел. Кто-то меня проверял и поднимал ставки.

У входа поток сгущался. Люди стояли, ждали, переминались. Кто-то ругался вполголоса. Кто-то отмолчивался. Все они выглядели одинаково, синеватая кожа, серые пижамы, одинаковая усталость и жажда. И именно поэтому мой глаз зацепился за одно место ещё до того, как я понял, почему.

В общей массе появилось движение, которое не подстраивалось под общий ритм. Там шли иначе. Спокойно. Люди рядом расходились почти машинально, будто уступали не человеку, а чему-то более весомому. Цвет кожи в том месте казался светлее, чище, словно его не успели пропитать общим оттенком усталости, а сама фигура выглядела собранной и спокойной, как будто у неё был свой маршрут и своя мера времени.

Я видел это боковым зрением и попытался повернуть голову, чтобы рассмотреть внимательнее, но не успел. В этот момент сигнал на погружение пришёл резко. Мир под ногами на секунду стал мягким, как вода. Тело уже ложилось в ложемент. Крышка капсулы сомкнулась, реальность уступила место полному погружению, и я успел увидеть это светлое пятно ещё раз, уже совсем краем.

Потом всё исчезло. И началась симуляция.

Глава 6

Тьма не ощущалась чем-то пустым. Она держала меня в мягком подвесе, словно лифт между этажами, когда ты уже понял, что едешь вниз, вот только пола под ногами нет. Тело успело вдохнуть, а мозг успел сосчитать. Три таблетки и три бутылки воды в сутки. Это норма всего здешнего существования. Норма для тех, кто просто доживает день и вечером влезает в капсулу ради очередной попытки. Норма должна стать стартовой площадкой для роста и развития курсантов. Расход жизненно необходимых ресурсов приходилось держать под контролем, иначе можно превратиться в ещё один серый силуэт у стены.

Свет включился, пространство возникло сразу, будто его держали за кулисами и ждали команды. Пол под ногами не пружинил и не гасил шаг. Воздух был лишён запаха. Ничто не отвлекало. Это место существовало для одной вполне конкретной цели. И это уже была не учёба, а тестирование. Если в квалификационном тесте по пилотированию глайдера я упёрся в физиологический предел собственного организма, то по рукопашному бою, просто выбрал все доступные занятия, прошел тестирование. Затем увидел, что это потолок и не пошёл дальше.

Перед глазами висела строка выбора. Я ткнул в углублённую рукопашку, нужно было закрыть задачу и двигаться дальше. Ответ пришёл о том, что курс пришёл мгновенно. И это было ожидаемо. Так я уже делал. Теперь я хотел попробовать пройти квалификационный тест, полный контакт. Это было что-то вроде серии испытаний, допуск к курсу будет возможен после положительного результата. Я подтвердил своё согласие.

Интерфейс исчез. Противник появился напротив моментально. Человеческая форма, пустое выражение, стойка собрана, руки подняты. Первый бой не занял много времени. Искусственный противник забрал инициативу, проверил, как я реагирую на прямой удар и на смещение. Я принял удар на предплечье, почувствовал, как по руке проходит виртуальная боль, и сделал шаг в сторону, чтобы не отдавать инициативу. Он догнал меня коротким движением, попытался провести второй удар в ту же зону, как делают те, кто ловит ритм на повторе.

Я срезал его удар костяшками, а второй ладонью толкнул спарринг партнёра в центр груди, перехватывая инициативу. Пустота вокруг не была помощником, но и не мешала. Из-за нее глаз не получал ни одной лишней опоры. Не было никаких углов, стен, предметов, за которые можно зацепиться и сказать себе: «Вот граница». Есть только мы двое и расстояние между нами.

Я сместил корпус и провёл двойку в корпус – так, чтобы он почувствовал потерю опоры. Спарринг партнёр попытался отскочить, вернуть дистанцию, но я не дал. Два шага – и мы снова снова в клинче. Он поднял руки плотнее, поставил локти, закрылся. Я провел удар правой ногой по ноге. Стойка противника распалась, колени провалились, и он упал.

Экран показал первый уровень допуска – и тут же выдал второго противника.

Второй выглядел, как первый, с тем же лицом и отрешённым выражением безмятежной идиотии, вот только двигался он уже с другой скоростью. Этот не действовал поспешно – просто двигался быстрее, чем первый, и делал это более чисто. Резал пространство шагами, не оставляя мне свободного времени, чтобы подумать. Я встретил его джебом в плечо, чтобы остановить вход, – он не остановился, принял удар, а потом перешёл на корпус, пробуя меня на дыхание.

Я опустил локти, принял удар, почувствовал, как виртуальная боль делает вдох короче, и сразу поймал спарринг партнёра на захват. Я потянул его на себя, заставил поставить ногу шире, и в этот момент срезал баланс. Он попытался вытащить ногу, вернуть опору – я не дал, подхватил под корпус и провёл бросок.

Схватка заняла минуту, но минута эта была плотной, без пустых пауз. В теле осталось лёгкое напряжение – как после быстрого подъёма на этаж, когда сердце почти срывается, и помнит, что только что работало на повышенных оборотах.

Третий держал дистанцию твердо. Этот уже не рвался вперёд, он ждал, держал руки выше и стоял так, будто привык ловить противника на ошибках. Этот спарринг партнёр уже проверял, начну ли я спешить. В пустом пространстве это ощущалось особенно чётко.

Я дал ему секунду. Он сделал шаг, и в этот шаг я встретил электронного болвана ударом, подловив на противохвате. Прямой в челюсть, ладонь поднялась ровно туда, где должен был быть его кулак. Я сразу перевел спарринг в борьбу. Он хотел держать дистанцию, но клинч и борьба ломали всю осторожность искусственного противника. Он пытался выскользнуть, но задняя подсечка уронила его на лопатки. Без пауз, просто взял на удержание и выкрутил руку на болевой. В тишине симуляции полного погружения, с удовлетворением услышал как хрустнули виртуальные кости противника. Третий спарринг партнёр рассыпался в красную пиксельную пыль. Победа засчитана.

Первый, второй, третий это так... Разминка. Эти тесты я уже закрыл, но так устроена обучающая машина Имперской Колониальной Администрации. Нужно подтверждать свою квалификацию и постоянно доказывать собственную пригодность. Организм держал запас энергии, а психика не просила остановиться. Что там дальше? Я только разгрелся.

После минутной паузы появился ещё один. Четвёртый оказался уже намного неприятнее и неудобнее. Никакого колдунства, просто он ставил ноги иначе. Он не давал мне привычной линии входа, уходил на полшага и возвращался с ударом, пока я сам не начну ошибаться.

Обнаружилось это не сразу, а только на третьем обмене, когда поймал воздух вместо плеча электронного болвана. Раздражение поднялось мгновенно, но я убрал его внутрь и сменил стойку, замах сократил, шаги сделал короче. Я перестал ловить его на красивый вход и начал вырезать ему пространство маленькими действиями. Спарринг партнёр уходил на полшага – я не бросался, а занимал место, куда он уходил, чтобы не было куда вернуться. Он возвращался ударом – я принимал его на блок и отвечал сразу или уходил, не давая ему забрать инициативу.

Мы несколько раз поменяли рисунок и ритм. Он пытался обойти, я не давал. Затем спарринг партнёр пытался оставить мне пустое место перед собой и поймать на прямой – я продолжал планомерно его давить, без скачков и выпадов, чтобы не подарить ему удобного момента. На очередном обмене он попробовал увести меня в сторону и зацепить ударом висок, но сам открыл корпус на долю секунды. Я вошёл туда и ударил коротко, но резко. Электронный спарринг партнёр потерял баланс. Я помог, проведя нижнюю подсечку, не давая встать обратно, взял на удержание и вывел на удушающий приём.

Пятый прошёл быстрее, чем четвёртый, но оставил другой след. Он работал по корпусу, точнее по рёбрам, виртуальная боль или нет, она всё равно сбивала дыхание. Да, в полном погружении всё мираж, но организм принимал сигналы нервной системы всерьёз. Я поймал вдох на втором обмене, когда он попал под ребро и заставил воздух выйти резко. Главное не давать себе расплыться. Я сделал глубокий вдох, поднял локти чуть выше и начал работать так, чтобы его удары попадали в руки и в плотный каркас, а не в мягкое.

Он пытался пробить меня серией, надеясь, что я начну откатываться. Но я встретил его своей серией, сбивал руки, отвечал короткими ударами по корпусу. Спарринг партнёр попытался уйти на шаг и перезапустить темп, но я догнал и дожал этот бой.

Шестой вышел так, что я понял разницу в первую секунду. Он держал голову ниже, руки выше, плечи закрывали подбородок. И двигался этот электронный болван так, будто жил в таком режиме годами. Он не бил много. Этот противник бил туда, куда больнее, и уходил в сторону, пока я пытался вернуть темп. А удары были такие... Как ишак лягнул. Он не давал мне диктовать рисунок.

Первый обмен закончился тем, что я поймал удар в корпус. В глазах вспыхнуло, и на долю секунды потерялся, перестал контролировать дистанцию. Вторая связка оказалась короткой, но в таком темпе, когда платишь за любую ошибку. Я ощутил, как меня начинают разбирать по кускам, если продолжу работать на привычке.

Я перестал искать момент для красивого решающего удара или броска и начал работать на то, чтобы не слиться на шестом квалификационном. Шаг сделал короче. Руки поднял выше и прижал плотнее к корпусу. Отвечал низкими ударами ног и короткими отработанными рук. Этот спарринг партнёр давил, поднимал темп, хотел вымотать и выжечь моё дыхание. Бой на выносливость и волю. Оставалось только держаться. В какой-то момент я поймал его алгоритм движений и начал видеть ошибки противника. Вот он сделал лишний шаг, здесь чуть более жёстко вошёл в схватку. Так-так... А вот здесь его и можно будет попробовать подловить.

Так и вышло. Во время следующего нашего сближения спарринг партнёр открыл корпус на долю секунды. Я вошёл туда и достал его правой в челюсть. Противник поплыл и качнулся. Нокдаун. Вот только рефери здесь нет. Пришлось беспощадно добивать его вторым и третьим ударом, не давая ему придти в себя.

Шестой бой оставил после себя усталость. Не физическую, скорее психологическую. Внутри появилось ощущение, что вот теперь-то счёт пошёл по-настоящему.

Седьмой ожидаемо вышел ещё более жёстким. Он не повторял шестого, но учёл моё поведение и стиль. Электронный болван начал ломать дистанцию раньше, выбивать руки из позиции и сразу забрасывать удар в голову. Я почувствовал, как тело хочет ускориться и принять навязанный ритм, как хочется броситься вперёд и задавить, пока он не успел развернуться. Я удержал себя и вернулся к тактике от обороны.

Мы провели бой в грязи клинча, где всё решают сантиметры, вес, выносливость и резкость. Противник пытался выскользнуть из размена ударами, но я навязал ему обратное. Он пытался повесить удар сверху, я уходил и отвечал прямым пушечным. Седьмой пытался провести апперкот, но я уходил на полшага и возвращался с низким ударом ноги, сбивающим стойку и ломающим ритм. Этот бой тянулся дольше, чем все шесть до него. И в нём не было красивого финала. Было медленное, упрямое выдавливание и превозмогание. Когда он упал, я стоял с поднятыми руками ещё секунду и только потом опустил их. Пальцы сводило, с костяшек капала кровь, понятно, виртуальная. Дыхание сделалось глубоким. Симуляция не дала мне времени на передышку, выдала следующую цифру и исчезла.

Система перестала показывать лестницу ступень за ступенью. Она отрезала промежутки. Она словно сказала, что цифры между уже не имеют значения, и вывела меня туда, где проверка становится серьёзной.

Десятый.

Противник вышел, сразу начал давить темпом и заставлял работать без пауз, без накопления воздуха в лёгких. Я поймал себя на том, что в голове стало меньше слов. Остались движения и решение на каждый обмен. Отход. Захват. Бросок. Уход. Удар. Удар. Удар. Блок.

Виртуальность умела давать ощущение, что пот стекает по вискам, и кожа стала липкой, губы высохли. Эти детали лезли в голову, пытаясь отвлечь и сбить с толку. Я держал внимание на противнике, на его плечах, на бедре, пытаясь предугадать его следующие шаги.

Этот бой я вытащил не одной связкой. Он пробовал меня на ритм и на терпение. Седьмой давил, когда я хотел вдохнуть. Противник добавлял шаг, когда я хотел остановиться. Я не рассыпался. В пустоте нет угла, на который можно загнать. Есть только твоё решение и твоя способность удержаться. Когда он упал, было слышно только моё собственное хриплое дыхание. Только я успел немного восстановить тяжёлые и ритмичные вдохи-выдохи, когда увидел следующую цифру.

Одиннадцатый.

Моя догадка оказалась верна. Тормозов у квалификационных тестов нет. Так далеко я ещё не заходил. Противник вышел иначе. Он не ускорился резко, а сразу выглядел собранным. Ставил ноги так, что у него всегда был следующий шаг. И противник не отдавал мне инициативу. Он всякий раз встречал меня не ударом, а сменой стойки. Каждая моя попытка сблизиться получала ответ в ту же секунду.

Я почувствовал, что успеваю за ним, хоть одиннадцатый и заставлял меня постоянно догонять его бешеный темп. Мне удавалось оценить и увидеть его намерение, и всё равно я едва успевал реагировать, будто он на полшага впереди.

Ответы мои были хоть и редкими, но жёсткими. Взять противника на захват не выходило, оставалось размениваться ударами. И я бил в корпус, в плечо, в челюсть. Я тоже получал и каждый удар хоть не выключал меня, но стирал кусок внимания. У меня уже были рассечены скула и подбородок. Внутри кипела чёрная злость, но тут я видел, как злость прорастает ошибками. Она толкала меня вперёд и приводила к поспешным решениям.

Самый главный бой оказался с самим собой, со своими эмоциями, но в конце концов я справился. Зажал злость внутри груди, зажав её в тисках и заставив работать, как ревор холодного синтеза. Эта схватка оказалась самой длинной и изнуряющей. Она превратилась в работу, где каждую секунду приходилось выбирать, чем заплатить. Воздухом. Шагом. Ударом. Сломаной костью. Я поймал момент, когда спарринг партнёр слишком поверил в своё опережение, и сделал шаг не туда, где он ждал. Я ввинтился под его руку и ударил в корпус коротко и жёстко. Он потерял опору, попытался вернуть равновесие, и я добрал его вторым ударом, чтобы не дать ему собраться.

Электронный болван упал. Чтобы он и не думал подняться, пришлось добить его ударом ноги в лицо. Он рассыпался в красную пиксельную пыль. В голове поселилась пустота. Пустота после напряжения, когда уже не хочется мыслей, хочется воды и воздуха.

Экран показал допуск. Одиннадцатый. И тут же погас.

Уже двенадцатого ждал с напряжением, которое не выразить словами. Тело уже знало, что дальше начнётся то, что заставит его вывернуться на изнанку, причинит боль, но заставит победить. Проверка на предельную прочность. Вот как бы я это назвал. Но предел этот нужно пробить.

Двенадцатый показал разницу сразу как только появился.

Он двигался в темпе, который я видел, но не мог удержать. Считывалась стойка и его намерение, но я просто не успевал. Пусть на какую-то несчастную долю секунды, но я просто не вывозил этот спарринг. Первая же упущенная доля секунды превратилась в пропущенный удар, обернувшийся рассечением брови. Кровь моментально залила мне левый глаз, ограничив видимый сектор.

Второй удар пришёл в челюсть. Мир дёрнулся, зубы лязгнули. Я поднял руки, попытался восстановить стойку, но он уже был рядом. Следующий удар прошёл в скулу, и голова повернулась совсем в другую сторону. Четвёртый удар – в корпус, под ребро, выбил всё дыхание. Воздух вышел резко, с жалобным хрипом. Дальше удары посыпались ещё быстрее – по плечу, в точку, где рука становится ватной. Снова в голову.

Я отступил на шаг, пытаясь вернуть дистанцию, но противник не дал. Он будто читал меня. Я попытался ответить, ударить первым, чтобы сломать его темп, он ушёл и вернулся раньше, чем я закончил движение. Ещё один его удар прошёл по корпусу, и я понял, что меня не бьют ради победы. Меня разбирают ради демонстрации моего ничтожества. Чтобы больше не совался без подготовки и... Я проиграл. Быстро. Меньше чем за минуту.

Система вернула меня на старт двенадцатого без разговора. Противник появился снова.

Я сделал то, что делают бойцы, когда не понимают, почему проиграли – поменял весь рисунок схватки. Сократил удары, пошел в атаку, попытался забрать его на вес. Но двенадца-

тый не дал. Электронный болван ушёл на полшага и вернулся ударом в переносицу, как будто подставил точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.